

21 ОКТ 1970

3 стр.

ЛЮБОВЬ, НАЗВАННАЯ ПЕСНЕЙ

(ПО МАТЕРИАЛАМ ТЕАТРАЛЬНОГО МУЗЕЯ ГРУЗИИ
О ВАНО САРАДЖИШВИЛИ).

«Никто не думал, что Грузия так же огромна и велика в своей песне и радости, как в своей горе и несчастье... Этого никто не знал, пока Ваню Сараджишвили не воспел своим шелковым голосом ту Грузию, которой не было, радостную Грузию будущего...» Так писал о певце известный грузинский писатель Константинэ Гамсахурдиа в мае 1923 года.

Пожелтевшие листы еженедельной газеты Союза писателей Грузии «Ломиси» донесли до нас и другие восторженные отзывы о Ване Сараджишвили, своим талантливым творчеством, как «Иоанн Махаробели, возвести в ший рождение Советской Грузии».

Рецензии на оперные спектакли, официальные записки актеру, слова будущих арий, переписанные певцом, — интересные штрихи, рассказывающие о многогранной деятельности грузинского актера. Вот договор, датированный 5 ноября 1923 года. «Мы, нижеподписавшиеся, — гласит текст, — с одной стороны Акционерное общество «Госкинпром», а с другой — артист Иван Сараджишвили, заключили настоящий договор в нижеследующем:

«Госкинпром» приглашает артиста Сараджишвили для участия в кинокартине «Отцеубийца» в роли Яго сроком на два месяца...».

Немое кино... Ваню Сараджишвили сразу же оценил огромные возможности рождающегося вида искусства. И, перевоплотившись в страстного Яго, Ваню Сараджишвили донес до зрителя богатство души казбеговского героя. Это было первое слово грузинского кино. И как отрадно, что его радостно и вдохновенно сказал грузинский певец Ваню Сараджишвили...

...Но оставим эти серые папки, в скупой хронологии вместившие жизнь актера, и посетим скромную квартиру Нины Платоновны Кикодзе-Сараджишвили, которая так старательно собрала материалы о деятельности своего супруга, составившие ныне богатейший фонд Театрального музея Грузии.

— Мне было трудно расставаться с предметами Ваню Сараджишвили, — говорит нам Нина Платоновна. — Но в деловых бумагах певца наш современник может узнать не только о жизни актера, но и о становлении нашего национального театра, искусства новой советской эпохи. Это становление связано с трудными годами революция, с годами, когда Ваню Сараджишвили, будучи актером Государственного театра оперы, принес на большую сцену грузинскую народную песню...

...Умирая, отцы оставляют наследство. Ваню Сараджишвили часто называют отцом грузинской песни. «Первый певец новой эпохи» оставил в наследство восторженную любовь к искусству. Вот почему, как доброе завещание, прозвучало его последнее «Таво чемо» (ария из оперы «Данси»), которое услышали очень немногие.

— Это было за несколько дней до его смерти, — продолжает свой рассказ Нина Платоновна. — Ваню был тяжело болен, и в городе уже поговаривали о его смерти. В тот день, я помню, он выглядел лучше обычного, глаза, покрытые болезненной пленкой, как-то прояснились. Он привстал с постели и вдруг... зашел. Ваню опять пел, но из глаз катились и катились слезы. Но это были не горя слезы, а слезы радости вернувшегося в строй актера. Вот таким он мне и запомнился: плачущий рыцарь, песней победивший тяжелый недуг...

А внизу под окнами люди слушали песню Ваню. Они долго потом не расходились. Из этой немой сцены мне особенно запомнилась очень колоритная фигура женщины-кахетинки. Послушала она Ваню, а потом всплеснула сильными руками и проговорила: «А говорили—Ваню умер. Чего только глупые не скажут!».

А в комнату Нины Платоновны входило горе: холодело плечо друга, уходила куда-то радость, оставляя боль сердца, страх одиночества и любовь без тепла человеческого...

В материалах Театрального музея Грузии хранится маленькое любовное письмо. Розовый почтовый листок, написанный красивым почерком, повествует о глубоких переживаниях девушки, любившей актера.

Репродукции с дружеских шаржей Михаила Чиатурели: 1. «Абесалом и Этери»; 2. «Прощай, мой сюртук»; 3. «Десять лет пою об одном...»; 4. Ваню Сараджишвили: «Сжался надо мною!».

«...поссорилась с матерью из-за того, что я ваша поклонница...»

«...Когда мать узнала о моем чувстве, то пришла в ужас, так как девушке влюбляться не полагается...».

Но Нина победила все условности умирающего обществу актера, заклятого осуждения, и стала другом Ваню Сараджишвили.

...Фотоматериалы, публикуемые нами, также хранятся в Театральном музее Грузии. Посмотрите на эти дружеские шаржи Михаила Чиатурели, в которых Ваню Сараджишвили смеется и плачет, любит и ненавидит, и вам вспомнятся слова большого знатока музыкального искусства Самуила Столермана, писавшего актеру: «...на связывала одинокая любовь к музыке и сцене...». Эта любовь называлась песней.

Д. ИВАНИШВИЛИ.

288